

ЛИЦЕЙСКИЕ «ГОДОВЩИНЫ»

1

Лицей составляет важную тему лирики Пушкина и проходит через все его творчество. Наиболее четкое и завершенное воплощение эта тема получила в так называемых лицейских «годовщинах» — стихотворениях, посвященных «заветному дню» — дню основания Лицея 19 октября 1811 г. Пушкин написал пять таких стихотворений: первое, «19 октября», — в михайловской ссылке, в 1825 г., остальные — в Петербурге, в 1827, 1828, 1831 и 1836 гг.

«Годовщины» почти обязательно упоминаются во всех биографиях Пушкина. Так, «19 октября» (1825) обычно связывают с приездами в Михайловское И. И. Пущина и А. А. Дельвига; «Бог помочь вам, друзья мои» (1827) вспоминают, когда речь идет об отношении Пушкина к ссыльным декабристам, «Чем чаще празднует лицей» (1831) — в связи со смертью Дельвига, а «годовщину» 1836 г., «Была пора: наш праздник молодой», приводят как свидетельство трагического мироощущения поэта в последние месяцы жизни.

Хронологический разрыв между первой и последней «годовщиной» — 11 лет. Естественно, что в общих исследованиях о творчестве Пушкина эти пять стихотворений рассматриваются независимо друг от друга, в связи с различными этапами творческой эволюции поэта, в окружении других, близких по времени стихов.¹ Единственная специальная статья о «годовщинах» В. Г. Ко-

¹ Так, например, Б. В. Томашевский ставит «19 октября» 1825 г. в ряд итоговых произведений Пушкина, «проникнутых чувством высокого долга поэта в исполнении им его поэтического служения» (Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 85—91). «Была пора: наш праздник молодой» в ряде исследований приводится как пример проникновения в лирику Пушкина стихии историко-философской мысли (см.: Г. Глебов. Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1936, стр. 200—202; М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 51; Л. Я. Гинзбург. О лирике. М.—Л., «Сов. писатель», 1964, стр. 217—218).

стина² дает почти исчерпывающий реальный комментарий к ним, сочетая его с общей характеристикой идейно-тематической проблематики стихотворений. Первая попытка рассмотреть «годовщины» как целостный идейно-художественный организм принадлежит Б. С. Мейлаху, который показал, что в стихах Пушкина нашел отражение политический характер лицейского праздника.³ В Лицее формировалось мировоззрение юношей и проявлялись их таланты. Религиозное вольномыслие и вольнолюбивые стремления, культ дружбы, осознанной как понятие идеологическое, — все это было познано Пушкиным и его товарищами в Лицее. Лицей заслуженно получил славу одного из центров вольномыслия, и «лицейский дух», о котором в 1826 г. писал в своем доносе Булгарин,⁴ цементировал дружеские отношения. Правда, лицейская среда не была однородной. Это сознавали и сами лицейские: И. И. Пущин писал о различных «кружках» в среде своих товарищей.⁵ После выхода из Лицея реакция на жизненные обстоятельства и политическую обстановку, общественные позиции бывших лицейцев были различными, тем не менее «рассадник вольнодумства» принес свои плоды. Двое из лицейских стали участниками восстания 14 декабря, а четверо были в той или иной степени причастны к деятельности тайных обществ. Влиянием «лицейского духа» были отмечены даже лицейцы, далекие от передового «кружка». Так, П. Н. Мясоедов в 1829 г. совершил акт гражданского мужества — послал письмо Пущину в Сибирь. «Вообразите, — писал Пущин Энгельгардту, — что от Мясоедова получил год тому назад письмо — признаюсь, никогда не ожидал, но тем не менее был очень рад».⁶

После разгрома системы лицейского воспитания, начавшегося в 1820 г. и закончившегося в 1823 г. увольнением в отставку директора Е. А. Энгельгардта, годовщины Лицея стали фактором общественной жизни, демонстрацией живучести «лицейского духа». «Сегодня у меня на прощанье обедают Пущин и Данзас, которые дни в два отправляются и с которыми и письмо мое поедет. Будет лицейский обед на Вас<ильевском> О<строве>, ибо настоящий Лицей теперь вне Лицея, он в Петербурге, в Москве и пр., где есть несколько чугульников», — писал Е. А. Энгельгардт Ф. Ф. Матюшкину 28 февраля 1824 г.⁷

² В. Г. Костин. Стихотворения Пушкина, посвященные лицейским годовщинам. — Ученые записки Калининского пед. института, т. 36, 1963, стр. 48—77.

³ Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., Гослитиздат, 1958, стр. 157—167 (глава «Разгром Лицея. Лицейские годовщины»).

⁴ См.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е. Л., «Атеней», 1925, стр. 36.

⁵ И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. М., Гослитиздат, 1956, стр. 53.

⁶ См.: Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царско-сельскому лицее, т. III. СПб., 1913, стр. 371.

⁷ Там же, т. II, СПб., 1912, стр. 50.

Традиция годовщин почиталась людьми, стоящими после окончания Лицея на разных полюсах общественного сознания. С одной стороны, декабристы И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер, с другой — преуспевающий чиновник барон (потом граф) М. А. Корф. Корф известен своими записками, в которых высказан резко отрицательный взгляд на Пушкина, лицейское воспитание и Лицей.⁸ Вместе с тем Корф не пропустил почти ни одной годовщины, исполнял лицейские обычаи, подписывался в письмах к сокурсникам «№ 8», а в протоколах годовщин старым лицейским прозвищем «Дьячок-мордан». Аккуратное почитание лицейской старины со стороны хитрого и ловкого чиновника, который уже через несколько месяцев после окончания Лицея стал «великим фаворитом министра юстиции», в 1821 г. был «разных орденов кавалер»,⁹ а в 1827 г. пожалован в камергеры, — это, конечно, показатель общественного значения ежегодных собраний лицейских. Быть некоторым образом причастным к «святому братству», носить на себе слабый отпечаток «лицейского духа» при полной внутренней благонамеренности — значило снискать популярность и симпатию в среде либерального чиновничества. Не случайно Корф с 1834 г. пользовался особым вниманием Сперанского, который помог его блестящей государственной карьере.

С первых же лет выработался трафарет празднования, почти обязательный для всех последующих годовщин. Годовщины были вечерами воспоминаний и дружеской переключки. Детали этих вечеров зафиксированы в «протоколах годовщин», в письмах Энгельгардта и лицейских друг к другу. Приведем отрывки из этих документов, ибо к ним восходят отдельные мотивы и образы пушкинских стихотворений. 9 февраля 1821 г. Энгельгардт пишет Матюшкину: «7-го очень нечаянно приехал из Москвы ко мне Яковлев (а по-нашему Якклев), я тотчас отправил в Петербург чугуникам окружное письмо и наряд явиться сюда на другой день в 12 часов, не говоря о причине. — Прискакали: Пущин, Саврасов, Корф, Комовский, Малиновский <...> День провели мы самый лицейский: пели *лицейскую залу*, и *Сатану с Лакрицом*, и *вставайте*, herr Matuschkin, и *в отставку* и *подам*, и *хвала тебе*, Фролов, и они немножко гнили — *позвольте доложить*. Словом, от 12 часов утра до 1 часа полуночи жили совершенно в старом Лицее <...> В общем собрании читали мы твое письмо...».¹⁰ 7 февраля 1821 г. — день случайной встречи «чугуников», но Энгельгардт дважды подчеркивает, что он был проведен как «самый лицейский», т. е. как было принято отмечать го-

⁸ М. А. Корф. Записка. — В кн.: Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, стр. 222—254.

⁹ Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицее, т. I. СПб., 1912, стр. 463—464.

¹⁰ Там же, т. II, стр. 28—32.

довщины. Через 15 лет 19 октября (это было 25-летие Лицея) отмечалось почти так же. В протоколе, который вели Пушкин и М. Л. Яковлев, после перечня собравшихся записано: «1) Обедали вкусно и шумно. 2) Выпили три здоровья (по заморскому toasts): а) за двадцатипятилетие Лицея, б) за благоденствие Лицея, с) за здоровье отсутствующих. 3) Читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером к одному из товарищей. 4) Читали старинные протоколы, песни и проч. бумаги, хранящиеся в архиве лицейском у старосты Яковлева. 5) Поминали лицейскую старину. 6) Пели национальные песни».¹¹ Традиционность этих вечеров, их из года в год повторяющийся ритуал как бы создавали эффект присутствия для всех, кто в этот день не был в Петербурге. Это позволило Е. И. Трубецкой 5 октября 1834 г. написать Энгельгардту со слов Пущина: «Он уверен, что в нынешнем месяце 19-го числа соберутся у вас или где-нибудь лицейские. Вы им скажете, что Ив. <ан> Ив. <анович>, несмотря на отдаление, мысленно в вашем кругу: он убежден, что, не дожидаясь этого письма, вы уверили всех, что он как бы слышит ваши беседы этого дня и что они находят отголосок в его сердце».¹²

Для лицейского воспитания характерна идея общественного служения. «Настанет время, когда отечество поручит вам священный долг хранить общественное благо»,¹³ — говорил Куницын в знаменательный день 19 октября 1811 г. Эта идея была заложена в самом существе учебного заведения, созданного по проекту М. М. Сперанского в дни «прекрасного начала» царствования Александра I для «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной».¹⁴ Александр вскоре отказался от претворения в жизнь замысла Сперанского, но идея общественного служения продолжала жить в сознании самих лицейских. Для всех товарищей Пушкина почти без исключения, как и для бывшего директора Энгельгардта, характерен интерес к судьбам «чугунников». Ссылный Пущин, как писала от его имени Энгельгардту А. В. Розен, «старается сколько возможно живее представить себе быт и круг действия каждого <...> из его лицейских товарищей».¹⁵ М. Л. Яковлев неоднократно по просьбе В. Д. Вольховского посылал тому

¹¹ К. Я. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIII. СПб., 1910, стр. 60—61.

¹² Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицее, т. III, стр. 149.

¹³ А. Куницын. Наставление воспитанникам, читанное при открытии имп. Царскосельского лицея... октября 19 дня 1811 года. СПб., 1811, стр. 4.

¹⁴ И. Селезнев. Исторический очерк имп. бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея... СПб., 1861, стр. 9.

¹⁵ Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицее, т. III, стр. 130—133.

«биографии» всех лицейских, т. е. написанные в шутовском тоне характеристики их деятельности.¹⁶ Служба рассматривалась как способ приложения к делу принципов, воспитанных в Лицее. Поэтому старик И. В. Малиновский в письме к Горчакову по поводу 50-летия Лицея предлагает всем оставшимся в живых дать отчет о своей жизни. Как свое credo Малиновский цитирует строки из «Прощальной песни» Дельвига.¹⁷ Слова лицейского гимна в этом трогательном письме переплетаются со стихами пушкинских лицейских «годовщин».

«Прощальная песнь» Дельвига пользовалась огромной популярностью среди товарищей Пушкина. Ее не только пели на всех лицейских сходках, бесконечное число раз цитировали в переписке — она в известной степени стала отправным моментом для стихов лицейских поэтов, в том числе и Пушкина, к лицейским годовщинам.

Смысловой стержень песни — общественное призвание, т. е. та идеологическая основа, на которой строилось лицейское воспитание. Четыре раза в песне повторяются слова припева: «И уж отечества призванье Гремит нам: шествуйте, сыны!». «Сыны отечества» — обращение, популярное в период Отечественной войны и окрашенное высоким патриотизмом. Конкретные пути общественного служения еще не ясны «сынам», но его этическая сущность сформулирована отчетливо:

Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет,
В несчастьи — гордое терпенье,
И в счастья — всем равно привет!

Призыв хранить дружбу звучит в стихах Дельвига как клятва на верность лицейским идеалам. Эти идеалы — «плод опытов и дум» наставников, к которым и обращен один из куплетов. Клятва на верность дается также матери-отчизне («Мы дали клятву: все родимой, Все без раздела — кровь и труд, Готовы в бой неколебимо, Неколебимо — правды в суд»), а царю приносится только «благодаренье» («Тебе, наш царь, благодаренье! Ты сам нас юных съединил И в сем святом уединенье На службу музам посвятил!»). Песня написана в 1817 г., когда патриоти-

¹⁶ Там же, т. I, стр. 151—155.

¹⁷ Письмо от 4 июня 1861 г.: «Мы пели: „Шесть лет промчалось как мечтанье В объятых сладкой тишины“. Теперь надо проверить нам себя, дать добросовестный отчет за 50 лет! Как состязались мы? — среди житейских бед! Было ль в нас: *К правде пылкое стремленье* — сохранили ль мы: *Юную к славе кровь?* В несчастье гордое терпенье, А в счастье всем равно любовь» (опубликовано Б. С. Мейлахом, см.: Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха, стр. 167—168).

ческий накал, вызванный Отечественной войной, ослаб, роль Александра I как основателя Священного союза определилась, в Лицее сочинялись и ходили антиправительственные эпиграммы, и «Прощальная песнь» выражала единственно возможную формулу благодарности царю — как основателю Лицея (потом эта формула будет повторена в пушкинских «годовщинах»). Сентиментальная «прощальная слеза» окрашивает грустью час расставания, который может обернуться «вечной разлукой» («Судьба на вечную разлуку, Быть может, здесь сроднила нас!»). Будущие чиновники и военные, служащие в Российской империи, да еще и предназначенные к «важным частям службы государственной», не могли потерять друг для друга, поэтому «вечная разлука» — это не только разделенность пространством, но скорее символическая формула разлуки с теми, кто не сумеет сохранить «ту ж дружбу с тою же душой», т. е. сознание возможного идеологического и общественного барьера, разности не только карьер, но и убеждений. Мотив «разлуки» и разных жизненных путей синтезировал размышления лицейских перед выпуском. Вопрос о роде службы и занятый был важным вопросом лицейской жизни и смыкался с одной из центральных тем стихов лицейских поэтов. В творчестве лицеиста Пушкина тема жизненного пути решается как служение поэзии (см. «К Дельвигу», «Послание к Юдину», «Дельвигу», «Князю А. М. Горчакову»).

Начало традиции отмечать 19 октября стихотворным посланием к друзьям было положено А. Д. Илличевским и Дельвигом. К годовщине 1822 г. Илличевский подготовил стихи, которые были дополнены экспромтом Дельвига; в 1824 и 1825 гг. читались стихи Дельвига, в 1826 г. (Пушкин в этом году вернулся из ссылки, но еще не был в Петербурге) — опять Дельвига и Илличевского. Все эти «годовщины» образуют единый тематический комплекс с одной формой: общение лицейских за чашей вина и обращение поэта к друзьям во время застолья.

Первое стихотворение Илличевского задает тон всем последующим «годовщинам»; оно построено как поэтическое развитие тем, намеченных в «Прощальной песне» Дельвига: там прощание друзей перед разлукой, может быть «вечной», здесь — их встреча; у Дельвига — образ различных дорог, жизненных путей, открывающихся перед «братьями», членами одной лицейской семьи, в стихах Илличевского. — дороги, которые вновь соединяют лицейских:

Здесь все мы: из Литвы, Сибири,
Из-за Бухарии степей,
Так ныне на моей квартире
Возобновляется лицей.

«Прощальная песнь» призывала беречь воспоминания о Лицее и дружбу как залог высокой гражданственности. Илличев-

ский подтверждает незыблемость лицейского союза, выдержавшего проверку временем: «Родные братья мы, конечно, И наш лицей одна семья». Залог прочности союза в свободолюбивых традициях Лицея:

Доколе сердце в нас свободно
И чести внятн строгий глас,
Дадим же руки — ежегодно
Мы освящать сей день меж нас.

Первые две строки этой строфы повторяют лексические формулы пушкинского послания «К Чаадаеву» («Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы»). Измененная цитата из стихотворения сосланного Пушкина вызвала шутку-экспромт Дельвига, который тут же был пропет «скотобратцами»:

Что Илличевский не в Сибири,
С шампанским кажет нам бокал,
Ура, друзья! В его квартире
Для нас воскрес лицейский зал.

В 1822 г. о Сибири еще можно было шутить. Менее чем через четыре года шутка обернулась трагедией. Для двоих из лицейских, в том числе и для пировавшего вместе с другими на квартире Илличевского Пуштина, — Сибирь стала местом ссылки. Тема Сибири повторена Дельвигом в «годовщине» 1826 г. уже в драматическом аспекте — как память о сосланных товарищах Пушине и Кюхельбекере.

Мотив нерушимой дружбы, незыблемости лицейского союза обязательно присутствует во всех «годовщинах» Илличевского и Дельвига. Реалии лицейского быта (лицейские песни, лицейский зал, «Лицейский мудрец», «скотобратские сердца») включаются в стихи как подтверждение прочности воспоминаний о Лицее. Общий фон первых «годовщин» — прославление веселья, они передают атмосферу веселого праздника свободолюбивой молодежи, того самого дружеского сборища, которое в пушкинской «годовщине» 1836 г. мы узнаем через воспоминания о прошлом. Это «праздник молодой», «разгульный праздник», где «с песнями бокалов звон мешался». Стихи полны оптимизма. Уже нет двух друзей (Ржевский умер в 1817 г., Корсаков — в 1820 г.), но жизнь представляется радостной, а мысль о смерти в стихах Дельвига («19 октября 1825») окрашена в эпикурейские тона:

О моя, поверьте, тень
Огласит сей братский день
В царстве Елисейском.

Стихи Дельвига и Илличевского распевались каждую годовщину, но не предназначались для печати и были опубликованы

только в 1910 г. К. Я. Гротом.¹⁸ Это были стихи для узкого круга. Намеки на детали лицейского быта открывали их смысл только самим лицейским. Этот порядок нарушил Пушкин. Подхватив традицию отмечать годовщины стихами, он сделал эти стихи достоянием гласности. Публикации были напоминанием о былом Лицее, свидетельствовали о живучести «лицейского духа».

После возвращения из ссылки Пушкин пять раз участвовал в годовщинах — в 1827, 1828, 1832, 1834 и 1836 гг.¹⁹ В 1829 г. 19 октября застало его в дороге, в 1830 и в 1833 гг. — в Болдине, в 1835 г. — в Михайловском. В 1831 г. он вернулся в Петербург из Царского Села перед самой годовщиной, но, как отмечено Яковлевым в протоколе, «не был потому, что не нашел квартиры».

2

1825 год в михайловской ссылке особенно ознаменован лицейскими воспоминаниями. Биографически это связано с приездами в Михайловское Пущина и Дельвига и встречей с Горчаковым. От Дельвига и Пущина поэт и раньше получал сведения о годовщинах. 16 ноября 1823 г. он писал Дельвигу из Одессы: «Мой Дельвиг, я получил все твои письма <...> Вчера повеяло мне жизнью лицейскою, слава и благодарение за то тебе и моему Пущину!» (XIII, 74). О Лицее вспоминали и при встречах в Михайловском — об этом прямо говорится в первой редакции посвященной Пущину строфы «19 октября» 1825 г.: «Мы вспомнили, как Вакху в первый раз Безмолвную мы жертву приносили. Мы вспомнили, как мы впервой любили».

Единственный дошедший до нас автограф стихотворения — беловой с правкой Пушкина и правкой М. Л. Яковлева (ПД, № 70). Автограф хранился у Яковлева и в 1855 г. был подарен им Александровскому лицее.²⁰ Текст (после правки Пушкина) значительно отличается от окончательного варианта, напечатан-

¹⁸ К. Я. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него, стр. 40—45.

¹⁹ См.: К. Я. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него. Присутствие Пушкина на годовщине 1827 г. подтверждает письмо Е. А. Энгельгардта к В. Д. Вольховскому от 23 ноября 1827 г., см.: Э. Э. Найдич. Стихотворение «19 октября 1827». — В кн.: Литературный архив, кн. 3. М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 17. О стихах, прочитанных Пушкиным на годовщине 1832 г., см.: Я. Л. Левкович. К творческой истории перевода Пушкина «Из Ксенофана Колофонского». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1970. М.—Л., Изд. АН СССР, 1972, стр. 91—100.

²⁰ См.: Я. К. Грот. Автограф «19 октября». — Известия II отделения имп. Академии наук, т. VI, 1857, стр. 142—154. Ср.: Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 29 (№ 70).

ного в «Северных цветах» на 1827 г., через полтора года после создания. Вторая публикация, в собрании стихотворений Пушкина,²¹ с небольшими разночтениями (в пунктуации и правописании) повторяет текст «Северных цветов». В автографе стихотворение имеет 25 строф. Вторая строфа («Товарищи! сегодня праздник наш. . .») была зачеркнута Пушкиным, после чего оставшиеся 24 строфы были им пронумерованы. Кроме того, поэт зачеркнул четыре последних стиха строфы XIII, относящиеся к судейской деятельности Пущина («И все прошло, проказы, заблужденья»), и вместо них написал четыре стиха о Малиновском («Зачем и ты не обнял друга с ним. . .»), сделав их начальными стихами строфы XIII. В конце рукописи помета: «Михайловское. 1825». Это единственный случай, когда в автографе законченного стихотворения, посвященного годовщине Лицея, не поставлена дата «19 октября».²² Вполне вероятно, что стихи, имеющие эту дату в автографах других «годовщин», писались и даже дописывались не в самый день 19 октября, а только готовились к этому дню, зачитывались самим поэтом в этот день и должны были прилагаться к протоколу годовщины. Таким образом, дата в автографе может не соответствовать точной дате написания стихотворения, но обязательно подтверждает присутствие поэта (или намерение присутствовать, как это было в 1831 г.) на празднике. Отсутствие точной даты в стихотворении 1825 г. позволяет предположить, что поэт писал его до 19 октября, с тем чтобы послать в Петербург друзьям. Однако на лицейский праздник оно не поспело,²³ и рукопись осталась в архиве «лицейского старосты» М. Л. Яковлева. Правка рукой Яковлева на рукописи, очевидно, связана с намерением друзей поэта опубликовать эту «годовщину» (скорей всего в «Северных цветах» на 1826 г. Дельвига). Пытаясь приспособить стихотворение к цензурным требованиям, Яковлев зачеркнул пять стихов (3 и 5—8) строфы XXI (тост за царя). Чтобы не нарушать строфического построения, ему пришлось убрать четыре последних стиха строфы XX и дописать один стих («О, други, с мест вторую наливайте») в начале строфы XXI. Из оставшихся частей строф XX и XXI вместе с вписанным стихом образовалась одна строфа. Эти исправления позволяют утверждать, что рукопись была в руках Яковлева до 14 декабря, когда строфы о Пущине и Кюхельбекере свободно можно было печатать, не опасаясь неприятных последствий для Пушкина, и даже до 29 ноября

²¹ Стихотворения Александра Пушкина, ч. 2. СПб., 1829, стр. 34—43.

²² Дата «19 октября» стоит в конце текста «годовщины» 1831 г. (III, 880) и в конце двух копий «годовщины» 1827 г. (III, 619). Автограф «годовщины» 1827 г., написанный позднее, по-видимому в 1829 г., такой пометы не имеет (см.: Э. Э. Найдич. Стихотворение «19 октября 1827»). — В кн.: Литературный архив, кн. 3. М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 13—23).

²³ О праздновании 19 октября 1825 г. см. в статье: К. Я. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него, стр. 42—45.

(до получения в Петербурге известия о смерти Александра I), так как в дни траура тост за только что умершего царя, даже в его первой редакции, вряд ли был бы уместен. Наличие рукописи у Яковлева до 29 ноября свидетельствует, что осенью 1825 г. поэт считал стихотворение законченным.

Смерть Александра I и декабрьские события, очевидно, заставили друзей поэта отложить публикацию этого стихотворения до более спокойных времен. Возвращение Пушкина из ссылки, подтвердившее, что высказанное в стихах «предсказанье» сбылось, изменило ситуацию. 11 января 1827 г. Дельвиг с «лицейскими скотами братцами вместе» благодарит Пушкина «за 19-е октября» (XIII, 318). Речь идет уже о новой редакции стихотворения, которая и была напечатана в «Северных цветах» на 1827 г. Когда переработал его Пушкин, мы не знаем, скорее всего в 1826 г., после возвращения из ссылки, откликнувшись на настойчивые просьбы Дельвига участвовать в его альманахе (см. письмо Дельвига к Пушкину от 15 сентября 1826 г. — XIII, 295). В «Северных цветах» оно было напечатано в составе 18 строф. Поэт исключил строфы II—IV, XIII и XXI (тост за царя), а первые четыре стиха строфы XX и последние четыре стиха строфы XXII соединил в одну строфу. Таким образом, был исключен и тост за Куницына. После 1821 г., когда Куницын был отстранен от преподавания в университете, а его книга о естественном праве стала отбираться и сжигаться, здравица в его честь была бы одиозной для цензуры. Вместе с тем исключение этих строк не противоречило общему плану переработки стихотворения. Иное дело строфа об Александре I, основателе Лицея и одновременно гонителе Пушкина. Ее поэт считал принципиально важной и поэтому вписал в экземпляр «Стихотворений Пушкина» (СПб., 1829), подаренный им Е. Н. Ушаковой. Это дало основание Н. Н. Фатову, опубликовавшему в 1930 г. пометы Пушкина на этом экземпляре книги, включить строфу в окончательный текст стихотворения, что и было принято во всех последующих изданиях.²⁴

Перемены, сделанные поэтом в оставленных строфах, не принципиальны и сводятся к поискам наиболее точных, единственных выражений.

Создавая свое первое «19 октября», Пушкин, по-видимому, знал (от Пущина и Дельвига) стихи своих предшественников — Дельвига и Илличевского. Оно написано также в форме обращения к пирующим, наполнено реалиями лицейского быта, включает реминисценции из «Прощальной песни» и, подобно ей, ста-

²⁴ Н. Н. Фатов. Дефинитивный текст стихотворения «19 октября» (1825 г.). — В кн.: Пушкин. Сборник второй. Ред. Н. К. Пиксанова. М.—Л., Госиздат, 1930, стр. 161—187. В статье дана обстоятельная история издания стихотворения.

вит вопрос о жизненных путях. Стихотворение создавалось в ссылке — это определило доминирующую эмоциональную ноту и построение: вынужденное одиночество поэта противопоставляется дружескому сборищу «на берегах Невы». Первая строфа — экспозиция: блестящая гамма цветов осеннего пейзажа, которая скрашивает, но не может скрыть видимого увядания природы. «Багряный» и «сребрит» соседствуют с «увянувшим полем» и «как будто поневоле» проглянувшим днем. Эта же двойственность и в душевном настрое поэта: думы о лицейском празднике, придающие приподнятый тон всему стихотворению, и как обер-тон к ним — грусть, вызванная одиночеством.

Вслед за Дельвигом и Илличевским Пушкин строит свое «19 октября» в первой редакции как поток воспоминаний. Поэт не может быть на торжестве, но мысленно он вместе с друзьями и в мечтах, в воображении учреждает порядок праздника. Друзья должны сесть за стол так, как они садились в Лицее, «когда места в тени святого крова отличие предписывало» им. Для отсутствующих на этом воображаемом застолье должны быть оставлены приборы («пускай, друзья, пустует место их»), которые создадут иллюзию, что опоздавшие, как бывало в лицейские годы, или

... твердят томительный урок,
Или роман украдкой пожирают,
Или стихи влюбленные слагают,
И позабыт полуденный звонок.

Воспоминания о приезде Пущина вызывают в памяти известную пирушку с гогель-могелем и эпизоды первой любви. Среди тостов, которые предлагает поэт, упоминаются

... уроки и забавы,
И черный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики Лицейских Мудрецов.

Воспоминания о лицейском быте обуславливают и выбор имен, которые Пушкин вводит в стихотворение в первой редакции. Рассаживая друзей по «отличию», он называет того, кто всегда был первым, т. е. Вольховского, и тех, кто чаще всего бывал последним.²⁵ Воспоминания о гогель-могеле и первой любви вводят образ Малиновского.

Во второй, окончательной редакции Пушкин отказывается от реалей лицейского быта. Исчезают и воображаемый порядок праздника, и упоминания о шалостях, литературных упражнениях и первой любви. Вместе с ними исчезают и имена Вольхов-

²⁵ См. в настоящем сборнике статью Б. П. Городецкого «„19 октября“ (1825)», стр. 59—60.

ского, Малиновского, Броглио и Данзаса. Бытовые конкретности отстраняются, на первый план выдвигается прославление лицейского союза, который «как душа неразделим и вечен» и выдержал испытание временем. Строфа VII, посвященная лицейскому союзу, является эмоциональным и идеологическим стержнем стихотворения. Вокруг нее располагаются и к ней сходятся все тематические линии. Строфа овеяна символикой свободы. Лицейсты называли Лицей республикой. Это была игра в республику, но игра, которая выражала сознание своей идейной независимости, противопоставление своих убеждений официальному патриотизму. Заключительная часть строфы, торжественно провозглашающая Царское Село «отечеством» лицейских, т. е. колыбелью их союза, вызвала в сознании читателей признаки вольнолюбивых идеалов. Союз вечен, и ему верны лицейские до последнего своего дня. Сосланный поэт отсутствует на пиршестве, но в мечтах он вместе с друзьями; так же простирает «из-за моря» им руку и Матюшкин. Единственный, кто разлучен с друзьями навсегда, — Корсаков, потому что смерть вырвала его из дружеского круга. Воспоминание о Корсакове вводит тему смерти — как единственной силы, способной разрушить лицейское братство. Эта тема завершена в последней строфе о последнем лицеисте, которому «под старость день Лицея торжествовать придется одному». Лицейское братство будет существовать, пока будет жив хотя бы один лицеист. Как символ лицейского братства приводятся слова из «Прощальной песни» Дельвига: «На долгую разлуку Нас тайный рок, быть может, осудил!». Они заключают строфы, посвященные Матюшкину. Образ Матюшкина биографически конкретен. Но биографически реальный образ приобретает в стихотворении обобщенный смысл. Жизненное призвание путешественника, первооткрывателя, постоянно отрывающее Матюшкина от Петербурга, от дружеского круга, возводит его верность всему лицейскому в символ прочности союза.

Этой же идее прочности лицейского братства подчинены и упоминания о других лицеистах. Кроме умершего Корсакова и Матюшкина, поэт называет еще четыре имени: Пушина, Горчакова, Дельвига и Кюхельбекера. Строфы, им посвященные, строятся как противопоставление лицейского союза «дружбе новой». Вынесенная из Лицея «доверчивая надежда первых лет» оказалась несовместимой с «друзьями иными». Эту «дружбу новую» поэт измеряет мерой лицейских отношений — братством. В других стихах михайловской ссылки он вспоминал об измене новых друзей, об их коварстве, называл их «минутными друзьями» своей «минутной молодости»; здесь же он пишет: «но горек был небратский их привет». Встречи с друзьями были волнующими и значительными моментами михайловского изгнания, однако в общей концепции стихотворения они несут не столько биографическую и эмоциональную нагрузку, сколько идеологическую. По-

этому нарушена хронология рассказа, и вслед за Пушциным, который «первый посетил» поэта, следует не второй — Дельвиг, а третий — Горчаков. Поэтому же в окончательной редакции строф мемуарные детали или снимаются (как в обращении к Пушкину), или идеализируются (как в обращении к Горчакову).²⁶

Пуцин рисуется как единомышленник. Мы знаем, что в Михайловском друзья говорили о принадлежности Пушкина к тайному обществу и о политическом значении творчества Пушкина. Вольнолюбивые идеалы лицейской республики обрели конкретность в деятельности Пушкина. Поэтому именно как единомышленник Пуцин смог превратить дружескую встречу в «день Лицея». Горчаков — человек иного, противоположного жизненного призвания. Контраст характеров и жизненных судеб его и поэта подчеркивают начальные стихи двух соседних строф. Один — «счастливец с первых дней», на другого обрушился «судбины гнев». Путь Горчакова — чиновничья карьера, путь Пушкина, его подлинное призвание — поэзия, но оба они принадлежат к «святому братству» лицейских. Поэтому их встреча, хотя и случайная («невзначай проселочной дорогой»), так же как встреча с Пушциным, подтверждает неизбежность лицейского союза.

В отношении к поэзии Пушкин указывает две этические позиции — позицию Дельвига и свою собственную в прошлом:

Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Поэт осуждает былое легкомыслие и формулирует новое отношение к поэтическому творчеству — как к служению. Мысль о назначении поэта вызывает воспоминание о Кюхельбекере — проповеднике высокого в поэзии. Формулируется новое понимание роли поэта, за год до того впервые выраженное в «Разговоре книгопродавца с поэтом». Поэт-эпикурец, беспечный баловень природы, беззаботный певец радостей жизни, осмысляется как пройденный этап. Появляется поэт — носитель возвышенно-поэтического идеала. Строки: «Служенье муз не терпит суеты; Прекрасное должно быть величаво» — это не только воспоминание о Кюхельбекере, но и первая заявка на решение темы поэтического призвания в позднейшем программном цикле стихов о поэте.

Строфы, посвященные встречам с друзьями, вводят традиционную тему жизненных путей. Путь поэта идет через ссылку.

²⁶ См. описание встречи с Горчаковым в письмах Пушкина к П. А. Вяземскому, приведенных в статье Б. П. Городецкого в настоящем сборнике, стр. 64.

Это его настоящее, ежедневно терзающее душу будни. Ощущение ссылки проходит как обертон через все стихотворение: ему подчинено описание пейзажа, когда день появляется «как будто поневоле»; оно и в начальном «я пью один», и в прямом указании «поэта дом опальный», и в сравнении своей судьбы с судьбой Кюхельбекера, и в обращении к Александру I. Ссылка — это не конец пути. Впереди освобождение: «Запомните ж поэта предсказанье: Прочтется год, и с вами снова я». В сентябре рухнула надежда Пушкина на разрешение приехать в Петербург для операции аневризма, но в стихах, написанных почти одновременно, он выражает уверенность, что скоро наступит конец гонению. Эта вера в победу свободы и справедливости звучит в унисон с прославлением идеалов, воспитанных в Лицее. Наиболее последовательным проявлением этих идеалов была политическая деятельность Пущина. Посвящение в нее подкрепляло веру поэта в близкое освобождение и в торжество свободы. Поэтому вслед за «предсказанием» о скорой встрече с друзьями следует здравица в честь Лицея и «наставников, хранивших юность нашу». Этот обобщенный тост признательности «наставникам» включал и неназванного Куницына. Политический смысл здравицы раскрывался в вольнолюбивых традициях Лицея. Общественное значение лицейского союза подчеркивал и тост за царя. В царствование этого ничтожного человека («он раб молвы, сомнений и страстей») и гонителя («простим ему неправое гоненье») русские войска вступили в Париж и был основан Лицей. Ставя основание Лицея в один ряд с Отечественной войной, Пушкин возводит его в ряд событий, имеющих историческое значение. Эту мысль (как и всю строфу) поэт считал особенно важной, поэтому, изъяс ее по цензурным соображениям из печатного текста, он старался сделать ее достоянием гласности.

3

Тема жизненных путей вновь возникла в следующем стихотворении, посвященном лицейской дате 1827 г. Обстоятельства создания этого стихотворения хорошо известны, а присутствие Пушкина на годовщине 1827 г. с недавних пор не вызывает сомнений. Стихотворение было напечатано в № 13 «Славянина» за 1830 г. (под заглавием «К товарищам молодости», подпись: «П.») в сильно искаженном виде, по-видимому без ведома Пушкина,²⁷ но до этого было известно в списках. П. А. Плетнев рассказывал Я. К. Гроту, что «за окончание 2-го куплета „И в мрачных пропастях земли“ Пушкину были сделаны внушения, которые, в связи с официальным делом, возникшим о стихах Андрея

²⁷ Пушкин не печатал в «Славянине» своих произведений. Несколько его стихотворений, помещенных там в 1827—1830 гг., были перепечатаны из других изданий.

Шенье (т. е. в 1828 г., — Я. Л.), могли вызвать стихотворение „Предчувствие“». ²⁸ Вторично оно было напечатано в 1832 г. ²⁹ Известны один автограф стихотворения и несколько копий. Две копии принадлежали Пушкину (ПД, оп. 17, № 36, л. 33 об.) и переписаны из не дошедшего до нас письма к нему Энгельгардта, одна найдена среди писем Пушкина к Е. М. Хитрово (ПД, оп. 4, № 78), одна в тетради И. В. Малиновского (ПД, оп. 25, № 339), еще две в письмах Энгельгардта к Горчакову (ЦГИА, ф. А. М. Горчакова) и к Вольховскому (ПД, оп. 25, № 92). ³⁰ Автограф (ПД, № 1676) принадлежал товарищу Пушкина по Лицею А. А. Корнилову и был, по-видимому, подарен им А. Д. Тьркову (выше текста имеется запись: «Подарил Корнилов 23 февра<ля> 1829»). В статье Найдича сделано описание списков и определена их последовательность. Списки Энгельгардта, удержанные на слух его «прозаической памятью», являются первыми по времени; автограф, принадлежавший Корнилову, совпадает с копией, найденной в бумагах Хитрово. ³¹ Текст, опубликованный в 1832 г., является окончательной редакцией и отличается от автографа строками 1-й и 5-й («Бог помочь вам» вместо «Бог помощь») и строкой 7-й («В краю чужом» вместо «В стране чужой»). Таким образом, готовя стихотворение к печати, Пушкин приблизил его к формулам простонародного слога. ³²

Энгельгардт в письме к Вольховскому от 23 ноября 1827 г. называет стихотворение Пушкина «экспромтом», однако его точность, лаконизм и композиционная четкость свидетельствуют, что оно было написано поэтом заранее и только прочитано наизусть на лицейской сходке. Стихотворение написано под непосредственным впечатлением от случайной встречи с Кюхельбекером на станции Залазы по дороге из Пскова в Петербург. Встреча произошла 14 октября; 15 октября датирована дневниковая запись о ней (XII, 307), в дни между 15 и 19 октября и было написано стихотворение.

«19 октября 1827 года» связано с размышлениями Пушкина над трагической судьбой декабристов. Мысль о декабристах на-

²⁸ Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, стр. 81.

²⁹ Стихотворения Александра Пушкина, ч. III. СПб., 1832, стр. 193.

³⁰ Э. Э. Найдич, опубликовавший автограф Пушкина и письмо Энгельгардта к Вольховскому, высказывает предположение, что список в письме к Вольховскому должен совпадать со списком, посланным Энгельгардтом Пушкину (Э. Найдич. Стихотворение «19 октября 1827 г.»). Следует отметить, что список в письме к Вольховскому отличается от обеих копий Пушкина 7-й строкой: в письме к Вольховскому читается «В странах чужих, в пустынном море».

³¹ В копии Хитрово строка 2-я переписана с ошибкой («в царской службе») и имеется строка 9-я, повторяющая 1-ю и 5-ю строки.

³² Отмечено В. Г. Костиным, см.: В. Г. Костин. Стихотворения Пушкина, посвященные лицейским годовщинам, стр. 62.

стойчиво входит в творчество Пушкина 1826—1827 гг. (черновой текст «Записки о народном воспитании», «Стансы», «Послание в Сибирь», послания Мордвинову, Пущину). Тема декабризма в поэтическом сознании Пушкина сближалась с темой Лицея. В послании к Пущину лицейская тема дана как единственный источник если не оптимизма, то душевного равновесия («Да озарит он заточенье Лучом лицейских ясных дней!»), в «Послании в Сибирь» через реминисценции из «Прощальной песни» Дельвига («Храните гордое терпенье»)³³ — как знак солидарности с декабристами.

В «годовщине» 1827 г. впервые тема «братства» лицейских распадается. Жизненные пути Горчакова и Пущина разошлись и дошли до крайних точек социальной шкалы: преуспевающий чиновник и политический заключенный. Эти две социальные позиции — «царская служба» и «мрачные пропасти земли», т. е. царская каторга, формируют строфы. Стихотворение предельно лаконично: восьмистишие, состоящее из двух строф. Четырехстишные строфы и четырехстопный ямб — формы, к которым прибегал Пушкин во второй половине 1820-х годов в своей политической лирике («Стансы», «Друзьям», «Послание в Сибирь»). Дважды повторенное обращение — благословение поэта «Бог помочь вам, друзья мои» — создает параллелизм в композиции. Одна и та же тема благословения развивается в обеих строфах, но в первой строфе смысловой доминантой является «царская служба», которая не исключает и «забот жизни», и «пиров разгульной дружбы», и «сладких таинств любви». Вторая строфа соединяет образы бытия, оторванного от привычной среды и повседневных связей: «В краю чужом, в пустынном море». Эмоциональная атмосфера полностью раскрывается в заключительном аккорде стихотворения — в последнем стихе: «И в мрачных пропастях земли».

Конечно, к каждой строке стихотворения может быть дан реальный комментарий.³⁴ «В краю чужом» (в первоначальном варианте «в стране чужой») в это время были Ломоносов и Горчаков, в «пустынном море» — Матюшкин, который осенью 1827 г. завершил кругосветное плавание на шлюпе «Кроткий», «в мрачных пропастях земли» — Пущин и Кюхельбекер. Однако жизненные реалии составляют скорее подтекст стихотворения, чем его содержание. Жизненные судьбы лицейстов предстают как различные аспекты социально-исторического бытия. Атмосфера разобщенности, разбросанности пришла на смену лицейскому союзу, который еще два года назад представлялся «как душа» нераздели-

³³ См.: В. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха, стр. 163. Ср.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. (1826—1830). М., «Сов. писатель», 1967, стр. 142—143.

³⁴ Обстоятельный комментарий см. в статье: Э. Э. Найдич. Стихотворение «19 октября 1827».

мым и вечным. Теперь уже не он объединяет лицейских, а сердце поэта. Благословение поэта уравнивает сибирских каторжников и удачливых чиновников.

4

В 1828 г., отправляясь на празднование годовщины к Тыркову, где собралось 8 человек, Пушкин не подготовил специального стихотворения. Возможно, этому помешала интенсивная работа над «Полтавой» (закончена, без «Посвящения», за три дня до годовщины, 16 октября). Работа над поэмой отвлекала поэта от настроений горькой безнадежности, отчаяния и глубочайшей тоски, характерных для 1828 г.³⁵ Душевный настрой прорывался в стихах, написанных незадолго до годовщины: «Предчувствие» (август?), «Уродился я бедный недоносок» (июль—октябрь), «Город пышный, город бедный» (около 19 октября). «Дух неволи» тяготил поэта, возбуждал «охоту к перемене мест». В ночь с 19 на 20 октября, сразу после праздника, Пушкин уезжал в Малинники. В протоколе годовщины записано: «и завидели на дворе час первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского лицея Пушкину-Французу, иже написа сию грамоту».³⁶

Встреча с друзьями была разрядкой психологической и творческой напряженности. Поэт активно включился в лицейский праздник и сам вел протокол годовщины. Шутливо-торжественный тон протокола и затянувшаяся за полночь беседа свидетельствуют, что праздник был веселым. К известным традиционным песням, которые пелись обычно хором, присоединилась еще одна, написанная Пушкиным в 1827 г., — «Рефутация Беранжера».³⁷ Текст песни соответствовал традиционному строю праздника. Тема Отечественной войны связывалась с лицейскими воспоминаниями, а пародийный характер стихотворения как бы продолжал традицию «национальных» лицейских песен.

В тексте протокола (ПД, № 725), после собственноручных подписей восьми собравшихся с их лицейскими прозвищами, записано четверостишие «Усердно помолившись богу». Несмотря на шуточный характер, этот коротенький стишок имеет все права на титул лицейской «годовщины». Тематически он вписывается в известную нам цепочку «годовщин», начатую Дельвигом и Иличевским и продолженную Пушкиным. Здесь присутствуют и

³⁵ См. в настоящем сборнике статью, посвященную стихотворению «Воспоминание» (стр. 107—108).

³⁶ К. Я. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него, стр. 47.

³⁷ Пародия на бонапартистскую песню Дебро «T'en souviens-tu, disait un capitaine...». См.: Б. То м а ш е в с к и й. Рефутация Беранжера. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVII. Л., Изд. АН СССР, 1928, стр. 119—122.

ригуал празднования, и верность лицейским обычаям («Лицею прокричав „Ура“»), и ставшая уже традиционной для «годовщин» тема разных жизненных путей. Это следующее звено цепочки, непосредственно связанное с «годовщиной» 1827 г. Их начальные строчки восходят к народным обычаям: в «годовщине» 1827 г. это — простонародное приветствие труженику «Бог помочь», в «годовщине» 1828 г. — обычай помолиться перед дальней дорогой: «Усердно помолившись богу». Две последние строчки рисуют конкретную ситуацию — отъезд поэта.

Мотив дороги появляется в лирике Пушкина после возвращения из ссылки («Зимняя дорога» — декабрь 1826 г., «Бесы» и «Дорожные жалобы» — 1830 г.). Связанный с долгожданным освобождением, он, казалось бы, должен был звучать мажорно. Но из всех «дорожных» стихотворений поэта беззаботный характер имеет только шуточный путеводитель — послание Соболевскому (1826), заполненное советами гастрономического характера. Свобода принесла Пушкину не успокоение, а новые тревоги, внешним выражением которых была его скитальческая жизнь. 1827—1830 годы — годы «странствия без цели» (VI, 171), непоседливости, постоянного стремления «бежать куда глаза глядят» (VIII, 333): из Москвы в Петербург, оттуда в Михайловское, снова в Петербург, потом в Малинники, Москву, снова в Малинники, Петербург, на Кавказ, в Москву, Малинники, Петербург, снова в Москву и т. д. В «Евгении Онегине» (глава VIII) эта «охота к перемене мест» определена как «весьма мучительное свойство, немногих добровольный крест» (VI, 170).

Дорожные мотивы в творчестве Пушкина имеют не только частный, биографический характер, отражая его странническую жизнь. Дорога часто приобретает смысл жизненного пути вообще. Так дорожная тема смыкается с лицейской, с размышлениями о жизненных путях и судьбах поколения. В двух последних строчках «годовщины» 1828 г. конкретные действия, обозначенные бытовыми деталями («в дорогу», «в постель»), знаменуют разность судеб: мятежная, скитальческая жизнь поэта противопоставлена устойчивому положению прочих лицейских, собравшихся у Тыркова 19 октября 1828 г., в жизни которых все идет «чредой определенной» — на смену дню приходит ночь, ночь приносит сон, а после веселого беззаботного пира наступает отдых.

5

До нас дошел один перебеленный автограф «годовщины» 1831 г. (ПД, № 946) — текст записан на отдельном, согнутом пополам листе, который поэт, по-видимому, собирался взять с собой на праздник. На праздник он не попал, потому что «не нашел квартиры». В автографе сделаны некоторые исправления: вычеркнута вся II строфа, содержащая перечень важнейших по-

литических событий последнего двадцатилетия, и сделано несколько незначительных замен отдельных слов в I и IV строфах. Вся правка сделана более темными чернилами, цвет этих чернил совпадает с чернилами, которыми написан черновой автограф следующей «годовщины» — 1836 г. Эта последняя пушкинская «годовщина» является поэтическим развитием темы, намеченной во II строфе стихотворения 1831 г. Вполне вероятно, что в 1836 г., избрав темой исторический обзор событий, свидетелями которых было его поколение, поэт вернулся к тексту стихотворения 1831 г. и вычеркнул II строфу.

Стихотворение опубликовано В. А. Жуковским в посмертном издании под заглавием «Лицейская годовщина». ³⁸ При этом он включил в текст строфу II (зачеркнутую Пушкиным), отбросил последнюю, а стихи 24 и 32 заменил своими вариантами («И всех мы братски поминали» и «Навек от нас ушедший гений»). П. В. Анненков также напечатал строфу II в основном тексте, но последнюю поместил в примечаниях. ³⁹ В примечаниях поместили последнюю строфу П. О. Морозов ⁴⁰ и Л. И. Поливанов. ⁴¹ С. А. Венгеров ⁴² и В. Я. Брюсов ⁴³ ввели ее в основной текст, оставив и строфу II, и только в издании Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева ⁴⁴ зачеркнутая Пушкиным строфа была исключена из основного текста стихотворения. Так оно печаталось и во всех последующих изданиях. ⁴⁵

В первом варианте, т. е. так, как оно вышло из-под пера поэта в 1831 г., стихотворение органично входит в круг политических размышлений Пушкина этого периода. Его лирика за 1831 г. поражает единством темы. За исключением коротенького шуточного поздравления Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер») и стихотворения «Эхо» все стихи связаны с политическими событиями этого года. Политические размышления сливались с лирической стихией. Косвенным образом связано с политической позицией Пушкина и «Эхо», поскольку оно ставит тему об отношении поэта к окружающему миру и о его обязанности отвечать на запросы времени и откликаться на голоса современности.

³⁸ А. С. Пушкин. Сочинения, т. IX. СПб., 1841, стр. 157—158.

³⁹ А. С. Пушкин. Сочинения, т. III. СПб., 1855, стр. 8—10, 12.

⁴⁰ А. С. Пушкин. Сочинения, т. I. СПб., 1887, стр. 133—135.

⁴¹ А. С. Пушкин. Сочинения, т. I. М., 1887, стр. 363—364 (к этому же стихотворению Поливанов отнес отрывок обращенного к Дельвигу незаконченного стихотворения 1830 г., также напечатав его в примечаниях).

⁴² А. С. Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. III. СПб., 1909, стр. 203.

⁴³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I, ч. 1. М., ГИЗ, 1919, стр. 351.

⁴⁴ Пушкин. Сочинения. Л., ГИЗ, 1924, стр. 93.

⁴⁵ Исключением является издание: А. С. Пушкин. Сочинения в 3 томах, т. I. Л., «Сов. писатель», 1949, стр. 406. Здесь строфа II снова введена в основной текст.

1830 и 1831 годы — исключительные по ряду событий, потрясших все европейские страны. Европа стала вновь ареной революционных вспышек. Центральным событием для России было польское восстание 1831 г. Пушкин ожидал повторения 1812 года, т. е. движения западных народов на Россию. Польское восстание и опасения интервенции были значительной темой не только стихов, но и писем, разговоров Пушкина. «Того и гляди навяжется на нас Европа», — писал он Вяземскому 1 июня 1831 г. (XIV, 196). Е. Е. Комаровский вспоминает слова Пушкина, что «теперь время чуть не столь же грозное, как в 1812 году».⁴⁶ Политические события современности наводили Пушкина на исторические размышления. В «годовщину» вторгается тема истории. Пушкин называет основные вехи истекшего двадцатилетия: смерть Александра I, пожар Москвы, занятие Парижа русскими войсками, смерть Наполеона, провозглашение независимости Греции в 1829 г., июльскую революцию 1830 г. во Франции и польское восстание 1830—1831 гг. В этом кратком перечне одновременно взгляд и человека, «пережившего исторические события, и историка-публициста, описывающего эти события».⁴⁷ То, что совсем недавно было злобой дня, становится историей. Пушкин осознает историю как процесс («времен превратность», — написал он за год до этого в «Моей родословной»). Острые моменты исторических конфликтов (июльская революция, польское восстание) не просто называются, а даются как бы в движении: «с престола пал другой Бурбон», «отбунтовала вновь Варшава». Слова «другой», «вновь» открывают глубину исторической перспективы и одновременно передают ощущение незаконченности этих исторических эпизодов. Таким образом, двадцатилетие 1811—1831 гг., насыщенное бурными политическими событиями, в свою очередь трактуется как эпизод в общем движении истории.

Обзор жизненных путей, судеб лицейских друзей раздвигается во времени, история входит в стихотворение как часть личного, душевного опыта поэта и его сверстников. Появляется и новый аспект «святого братства», лицейского круга — ощущение себя и своих сверстников как поколения, спянного историей, как свидетелей и деятелей определенной эпохи.

Последние строфы «19 октября» 1825 г. заканчивались темой постепенно редющего дружеского круга и переносили в будущее, когда лицейскую годовщину будет праздновать последний оставшийся в живых «чугунник». Но тогда «дух смерти» не вступил еще в свои права, смерть Корсакова кажется случайной, и сама формула «наш круг час от часу редет» связана не столько со смертью, сколько с разделенностью пространством: «Кто

⁴⁶ Русский архив, 1879, кн. 1, стр. 385.

⁴⁷ Е. В. Тарле. Пушкин как историк. — Новый мир, 1963, № 9, стр. 218.

в гробе спит, кто дальний сиротеет». Лицейские «в мечтах» вместе, и печальные слова: «Судьба глядит, мы вянем; дни бегут; Невидимо склоняясь и хладея, Мы близимся к началу своему» — близко модному чувству меланхолии, сознанию угасающей юности и приближающейся смерти. В 1831 г. часть будущего, о котором поэт писал шесть лет назад, стала прошлым. В «годовщине» 1825 г. речь шла о потерях грядущих, которые неизбежны, как проявление общего закона природы («Мы близимся к началу своему»), и поэтому не ощущаются трагически. Теперь тема редющего круга уже в первой строфе звучит как выстраданная боль. Синтаксически связь судьбы поколения с судьбами народов и стран зафиксирована союзом «и» («и нас печально касались»), который связывает строфу II — пробег по историческим событиям эпохи — с III и IV, где тема редющего круга конкретизируется. Строфы III и IV — это как бы вторжение истории в частную жизнь, повседневные следствия жизни исторической и общественной. Вся IV строфа о «шести упраздненных местах» эмпирически конкретна, связана с биографическими реалиями, и поэтому к каждой ее строке, так же как и в других «годовщинах», может быть дан реальный комментарий.⁴⁸ И за всеми этими частными, единичными судьбами ушедших из жизни лицейских вторым планом стоят судьбы поколения, вступившего в жизнь в канун Отечественной войны.

Окончательный вариант стихотворения с отброшенной II строфой не снимает тему истории, но дает ее обобщенное обозначение — «дуновенья бурь земных»:

Так дуновенья бурь земных
И нас печально касались,
И мы среди пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Однако после того как строфа II была зачеркнута, лирический центр стихотворения переместился. Им становится уже не соотношение жизни исторической и частной, а недавняя смерть Дельвига, и все стихотворение звучит как реквием. Его тон лирически-скорбный, даже мрачный, безнадежный. «Скорбная ин-

⁴⁸ «Там на ратном поле» погиб полковник С. С. Есаков, застрелившийся после потери нескольких пушек во время польской кампании. «В земле чужой» погребены умершие от чохотки за границей Н. А. Корсаков и П. Ф. Саврасов. От «недуга» скончались также Н. Г. Ржевский и К. Д. Костенский. «От печали» умер 14 января 1831 г. А. А. Дельвиг, после потрясения, вызванного грубым выговором Бенкендорфа в связи с напечатанными в «Литературной газете» стихами Делавиня об июльской революции.

тонация создается и содержанием, и фразовым построением, и ритмом. Голос идет на понижение в каданс каждой строфы. «Траурную окраску» придает стихотворению и «периодическая речь с параллельными конструкциями»: ⁴⁹

*Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш
И наши песни тем грустнее.*

Аналогичные конструкции и в других строфах («Шесть мест упраздненных стоят, Шести друзей не узрим боле» или о Дельвиге: «Товарищ юности живой, Товарищ юности унылой, Товарищ песен молодых...»).

Вскоре после смерти Дельвига Пушкин писал Плетневу: «Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изю всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все» (XIV, 147). Строфа, посвященная смерти Дельвига, вводит в круг тех же мыслей и переживаний Пушкина, в частности связанных и с воспоминаниями о прошлом. «Товарищ юности живой» — это Дельвиг как одна из наиболее прочных «связей детства», т. е. лицейских лет; «товарищ юности унылой» — это Дельвиг, рискнувший приехать к ссылке Пушкину. Слово «унылый» как характеристика душевного состояния почти всегда у Пушкина связано с годами ссылки (ср., например, варианты «Вновь я посетил»: «В спокойствии унылом и невольном», «... и сидел уныло» и др.). Наконец, «товарищ песен молодых, пиров и чистых помышлений» — это Дельвиг, как «один из нашей бедной кучки», т. е. людей, объединенных общим литературным делом. Образ «нашей малой кучки» перекликается с написанными за год до того словами Моцарта: «Нас мало избранных, счастливых праздных, Пренебрегающих презренной пользой, Единого прекрасного жрецов».

В «19 октября» 1825 г. Дельвиг воплощал творческое начало лицейского союза. Этой мерой выражалась прочность и глубина его дружеских отношений с Пушкиным. Он был эталоном высокого служения поэзии. Поэтому в «годовщине» 1831 г. смерть Дельвига дается не только как одно из «шести упраздненных

⁴⁹ См.: А. Слонимский. Мастерство Пушкина. М., Гослитиздат, 1959, стр. 134—135.

мест», а как потеря жизненной опоры самого поэта. И плач о Дельвиге переходит в трагическое предчувствие своей скорой смерти («И мнится, очередь за мной, Зовет меня мой Дельвиг милый. . .»). И нет поэтому в этой «годовщине» частой у Пушкина оптимистической концовки. Грядущие потери уже не в каком-то бесконечно отдаленном будущем, как в «годовщине» 1825 г., а совсем рядом. Последняя строфа с призывом «тесней наш верный круг составить», с надеждой «некогда опять в пиру лицейском очутиться» звучит приглушенно и заканчивается грустной нотой — пожеланием «новых жертв уж не страшиться».

6

«Годовщина» 1836 г. — одно из последних написанных Пушкиным стихотворений. За два месяца до него был написан «Памятник». Оба они — подведение итогов, в одном случае это итог жизни поэта, в другом — его поколения. 1836 год был для Лицея юбилейным. Предполагалось (это была идея Энгельгардта, поддержанная Корфом) торжественно отметить 19 октября, собрав вместе три первых выпуска. Мнение Корфа, высказанное в письме к Яковлеву, содержит подтекст, который еще раз подчеркивает политический характер лицейских сходов: «лицейские воспоминания между нами всеми (т. е. тремя курсами, — Я. Л.) могут быть точно так же живы и громки, а о другом, постороннем, едва ли тут кто и затеет говорить, да, кажется, и лета наши уже не те, чтобы опасаться иметь при нашем разговоре свидетелей».⁵⁰ Против объединения решительно выступил Пушкин: «Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи лицея. Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лицеист один будет праздновать 19 октября. Об этом не худо напомнить» (XVI, 168). «Худое предзнаменование» — это начало распада традиции, которое уловил Пушкин в мнении Корфа и которое вызвало раздраженный тон его записки к Яковлеву. Юбилею казенного учебного заведения поэт противопоставлял двадцатипятилетие лицейского союза первокурсников.

Сохранились два автографа стихотворения: черновой, на отдельном листе в четыре страницы, вырванном из тетради (ПД, № 991), и белой, на таком же листе бумаги (ПД, № 992). Черновой автограф имеет значительную правку, однако правка не меняет ни основного замысла, ни даже общего направления в развитии темы, которые сложились сразу. Почти все исправления и замены — это поиски более точных формул, выражающих мысль поэта. Черновой автограф оборван на седьмой строке по-

⁵⁰ См.: Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, стр. 22.

следней, VIII строфы: «Над *пропуск* сходились новые тучи». Строфа осталась незаконченной, и, переписывая стихотворение набело, Пушкин дописал еще начало последнего, восьмого стиха строфы: «И ураган их».

На белой рукописи, кроме незначительной правки самого Пушкина, имеются карандашные исправления рукой Жуковского: вписано заглавие «Лицейская годовщина», в конце последнего, неоконченного стиха поставлено многоточие и сделаны две замены. Одна из замен диктовалась соображениями цензурными (в стихе 61 вместо «царь, суровый и могучий» Жуковский поставил «бесстрашный и могучий»), другая — стилистическими (в стихе 63 «сходились новы тучи» он заменил на «скопились новы тучи»). При публикации в «Современнике»⁵¹ и в посмертном издании⁵² многоточие было перенесено в конец стиха 62, два последних стиха отброшены и сделано примечание: «конца нет». Опущенные стихи напечатаны впервые Бартевым в переделке Жуковского.⁵³ Точный текст автографа (последнее чтение) восстановлен Якушкиным.⁵⁴ После публикации Якушкина начиная с издания под редакцией П. О. Морозова⁵⁵ печатается правильный текст стихотворения. Варианты белого автографа опубликованы М. Л. Гофманом в статье «Посмертные стихотворения Пушкина».⁵⁶

То обстоятельство, что черновой автограф оборван на последнем полном стихе белого текста и, следовательно, переписывая стихотворение, поэт фактически не продолжил его, дало основание предположить, что обрыв последнего стиха является намеренным и подчеркивает «характер размышления, внутреннего монолога, выхваченного из целого потока мыслей и переживаний».⁵⁷ Между тем, по свидетельству Яковлева, сам поэт считал стихотворение незаконченным. В протоколе годовщины, пять первых пунктов которого писал Пушкин, а последние два — Яковлев, под пунктом седьмым записано: «Пушкин начинал читать стихи на 25-летие Лицея, но всех стихов не припомнил и, кроме того, отозвался, что он их не докончил, но обещал докончить, списать и приобщить к сегодняшнему протоколу».⁵⁸ Протокол

⁵¹ Современник, 1837, т. V, стр. 316—317.

⁵² А. Пушкин. Сочинения, т. IX. СПб., 1841, стр. 235—238.

⁵³ Русский архив, 1881, кн. III, стр. 471.

⁵⁴ В. Е. Якушкин. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. — Русская старина, 1884, октябрь, стр. 84—85.

⁵⁵ А. С. Пушкин. Сочинения, т. I. СПб., 1887, стр. 191—193.

⁵⁶ Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXV. Пб., 1922, стр. 414—418.

⁵⁷ Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 38.

⁵⁸ К. Я. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него, стр. 61.

писался сразу, во время празднования, и у нас нет оснований не доверять словам самого поэта в записи Яковлева. Но и через месяц после праздника, в письме к Вольховскому от 24 ноября, Яковлев вспоминает об этом эпизоде почти в тех же словах: «Пушкин было начинал читать стихи на 25-летие, но не вспомнил. Обещал их докончить и доставить. Проходит месяц, а обещание еще не выполнено. Боюсь — обманет...».⁵⁹ О том, что Пушкин «не успел докончить» «годовщину» 1836 г., пишет и Анненков, со слов «одного из лицейских товарищей Пушкина». Со слов этого же неназванного лицеиста Анненков приводит «трогательный анекдот» об обстоятельствах чтения «годовщины» Пушкиным. Поэт «извинился перед товарищами, что прочтет им пьесу не вполне доделанную, развернул лист бумаги, помолчал немного и только что начал, при всеобщей тишине, свою удивительную строфу: Была пора: наш праздник молодой Сиял, шумел и розами венчался, как слезы покатались из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошел в угол комнаты, на диван... Другой товарищ уже прочел за него последнюю лицейскую годовщину».⁶⁰ Эпизод со слезами повторяет и Гаевский, ссылаясь на Яковлева: «По свидетельству Яковлева, поэт только что начал читать первую строфу, как слезы полились из его глаз и он не мог продолжать чтение».⁶¹ Слезы поэта и его волнение во время чтения наложили отпечаток на интерпретацию стихотворения как одного из «самых трагических произведений Пушкина».⁶²

⁵⁹ Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицей, т. II, стр. 251.

⁶⁰ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855, стр. 425.

⁶¹ В. П. Гаевский. Празднование лицейских годовщин в пушкинское время, стр. 38. Детали этого эпизода в статье Гаевского приведены со ссылкой на «Материалы» Анненкова с примечанием: «Заметим, что Пушкин читал наизусть и, следовательно, никто не мог дочитать его стихов». По-видимому, Анненков пользовался информацией не Яковлева (как обычно считают), а кого-то другого из товарищей поэта (на празднике, кроме Яковлева, были Мартынов, Корф, Илличевский, Комовский, Стевен и Данзас). Несоответствия в показаниях Яковлева, дважды написавшего (в протоколе годовщины и в письме к Вольховскому), что Пушкин «не вспомнил» стихов, т. е. читал их наизусть, и неизвестного «лицейского товарища» дали основание Гастфрейнду усомниться в подлинности рассказа о слезах поэта: «все эти слезы и чуть не обмороки Пушкина имели место в пылком воображении П. В. Анненкова и В. П. Гаевского» (Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицей, т. II, стр. 250). Между тем ссылка Гаевского на Яковлева, который снабжал его материалами для статьи, и все, что мы знаем о душевном состоянии поэта осенью 1836 г. (см., например: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 109), подтверждают этот эпизод. Умолчание о слезах поэта в протоколе и в письме к Вольховскому естественно объясняется деликатностью Яковлева.

⁶² Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха, стр. 166. Ср. в кн.: В. П. Городецкий. Лирика Пушкина. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 304:

Вероятнее всего эта «годовщина» мыслилась поэтом как последняя. Разногласия с Корфом и его сторонниками о порядке праздника показывали, что традиция меняла характер. «Лицейское братство», как категория общественная, изживало себя. На конечный, замыкающий характер стихотворения указывают и его содержание — итог 25-летия, и форма. Поэт возвращался к размеру и строфе (восемь стихов с кольцевой и перекрестной рифмовкой) «19 октября» 1825 г. «Повторение было до того полное, что Пушкин, начиная с 1830 года отказавшийся от цезуры в пятистопном ямбе, здесь снова вернулся к ней, чтобы ни в чем не уклониться от образца 1825 года», — писал Б. В. Томашевский.⁶³ Он же отметил, что у Пушкина строфа «обладает своеобразным эмоционально-тематическим наполнением».⁶⁴ Повторение образца 1825 г. должно было возбудить у слушателей и читателей настроение, оттенки мыслей и чувств, свойственные этому образцу, т. е. служить мелодическим и эмоциональным фоном нового стихотворения.

«Чем чаще празднует лицей» в окончательном варианте замыкается периодом человеческой жизни. Это стихотворение является собой поэтическое развитие темы, намеченной в двух последних строфах «годовщины» 1825 г. Найденный в этих строфах образ редующего дружеского круга организует все стихотворение 1831 г. В 1836 г. этот образ снова появляется в черновых вариантах («И за столом просторнее и тише Наш круг сидит»; в окончательном тексте: «Просторнее, теснее мы сидим»), вслед за ним намечалась тема воспоминания об ушедших товарищах («И за столом и тише и ... Наш круг сидит — напрасно ищет взор», «И многих ищет взор»). Это было прямое повторение лирического хода «годовщины» 1831 г.: жизнь поколения от веселой беспечной молодости через жизненные испытания к смерти и уход из жизни товарищей как *memento mori* для каждого из оставшихся.

Уже в черновом тексте тема воспоминаний о погибших снята. Образ лицейского круга, уже поредевшего, дается в его социальных и исторических определениях; судьбы поэта и его друзей намечаются с выходом в круг мировой истории, пересекаются с войнами, революциями и событиями мирового размаха. Происходят не только физиологические изменения, ведущие человека «к началу своему», но меняется и мировоззрение, обусловленное движением истории. Историческая перспектива создается через образ «молодого праздника», знакомого по первым «годовщинам», и через лексические формулы вольнолюбивой поэзии

«Еще более мрачными (по сравнению с «годовщиной» 1831 г., — Я. Л.) настроениями овеяно последнее стихотворение Пушкина, посвященное лицейской годовщине 1836 года».

⁶³ Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 61.

⁶⁴ Там же, стр. 60—61.

начала 1820-х годов. Таким словом-формулой, овеянным пафосом декабристских настроений, было «надежда». В шумную радостную атмосферу «молодого праздника», о котором вспоминает поэт, входили тосты: «Мы пили все за здравие надежды И юности, и всех ее затей». В черновых вариантах к слову «надежда» дважды присоединяется «слава» («И пили мы за здравие надежды, И юности, и славы молодой», «И юности, и славы, и страстей»). «Надежда» рядом со «славой» создавали лексическую переключку с первой строкой хорошо известного послания «К Чаадаеву» (1818), где «надежда» употребляется в значении синонима к «любви» и «тихой славе» и не имеет еще политического характера.⁶⁵ В окончательном тексте стихотворения Пушкин убирает «славу» и включает «надежду» в «затей» юности; таким образом, политические чаяния преддекабрьской поры приобретают оттенок жизненной и политической неопытности, незрелости мысли: «Тогда, душой беспечные невежды, Мы жили все и легче и смелей (вариант: «В науке жить беспечные невежды, Исполнены мечтаний и страстей»), Мы пили все за здравие надежды И юности и всех ее затей».

Приобщение к истории, к поступательному движению эпохи — залог оптимизма, оправдания человеческого существования. Поэтому грустные ноты, связанные с темой редеющего круга, обрываются энергичным утверждением:

Недаром — нет! — промчалась четверть века;
 Не сетуйте: таков судьбы закон;
 Вращается весь мир вокруг человека,
 Ужель один недвижим будет он?

В зачеркнутой строфе «годовщины» 1831 г. время исчислялось годами: «Давно ль, друзья... Но двадцать лет Тому прошло», здесь мера другая — век. Годы — это предел человеческой жизни, жизни поколения, век — мера истории человечества. Время приносит не только старение, но и зрелость мысли. Энергичное утверждение «Недаром — нет!» пришло не сразу, первоначально в черновике было меланхолическое: «Как легкий сон промчалась четверть века». Дальше грустные ноты исчезают. «Параллельные двухстопные зачины каждой строфы придадут речи мужественный ораторский характер»: ⁶⁶

Припомните, о други, с той поры
Вы помните: когда возник Лицей
Вы помните: текла за ратью рать

⁶⁵ См.: В. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 190.

⁶⁶ А. Л. Слонимский. Мастерство Пушкина, стр. 136.

Вы помните, как наш Агамемнон

И нет его — и Русь оставил он.

Вся остальная часть стихотворения — рассказ о том, «чему, чему свидетели мы были», т. е. исторический обзор, в котором, отправляясь от событий прошлого, поэт доводит рассказ до современности. История становится средством истолкования человеческой личности и ее среды, в данном случае самого поэта и его сверстников.

Убрав II строфу «годовщины» 1831 г., Пушкин в новом стихотворении не повторил ее в развернутом виде, а дал иной аспект истории последних 25 лет. Узловые моменты истории и в той и в другой «годовщинах» связаны с злободневными проблемами современности. В 1831 г. внимание Пушкина занимает современная политическая жизнь: независимость Греции, июльская революция во Франции, польское восстание. Все эти события наряду с воспоминаниями об Отечественной войне в отброшенной II строфе «годовщины» 1831 г. даны в виде простого перечня, как констатация «времен превратности». Политическая позиция поэта развернута в других стихотворениях этого года — «Перед гробницею святой», «Бородинская годовщина», «Клеветникам России», «Из записки к А. О. Россет».

В «годовщине» 1836 г. история России берется в соотношении с Западом. Сперва история входит в стихотворение в виде общей картины пережитой эпохи, как лавина событий, обрушившихся на поколение поэта: здесь и падение царствований, и войны, и надежды народов, и крушение этих надежд. Все это движение мира, или «вращение», — основной закон его существования. Для Пушкина существование объективных законов бытия природы и народов (т. е. их история) — факт непреложный. В конечном счете события истекших 25 лет выстроятся в систему, философски и исторически обоснованную, но в пределах этой системы царит «таинственная игра», т. е. случай, та самая не состоявшаяся пощечина Лукреции Тарквинию, которая могла бы изменить судьбы мира (см. XI, 188). «Игралищем таинственной игры» оказываются как люди, так и целые народы:

Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Это поэтическая интерпретация мысли, высказанной в рецензии на второй том «Истории русского народа» Н. А. Полевого: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные.

Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения. Один из остроумнейших людей XVIII ст. предсказал Камеру ф. <французских> депутатов и могущественное развитие <?> России, но никто не предсказал ни Нап. <наполеона>, ни Полиньяка» (XI, 127).

В противоречии между общим движением и частными судьбами заключается источник бедствий народов и гибели людей. Поэтому центральным образом в общей картине эпохи является жертвоприношение — «алтари» Славы, Свободы и Гордости, обогранные людской кровью. Образ жертвенника был найден Пушкиным сразу, и «алтари» повторяются во всех черновых вариантах, только место Гордости первоначально занимал Разум — слово, ассоциативно связанное с французской революцией. В окончательном тексте весь комплекс революционных волнений и переворотов отражается в слове «Свобода», а «Гордость» появляется как синоним честолюбия Наполеона (ср. в «Бородинской годовщине»: «И грудью приняли напор Племен, послушных воле гордой»).

Собственно исторический обзор начинается со строфы V, фиксирующей момент включения лицейских в поток истории. Это 19 октября 1811 г., открытие Лицея и речь Куницына, когда вчерашние дети и сегодняшние студенты впервые осознали себя гражданами. Отечественная война превратила формулы Куницына о любви к отчизне и гражданском долге в эмоции, в страсти, которые цементировали лицейский союз. Победа над Наполеоном начинала новую эпоху и как бы давала новое назначение русскому народу. То, что в 1812—1814 гг. было эмоциональным восприятием событий, при ретроспективном взгляде складывалось в систему воззрений на отношения России и Запада и на историческое значение Отечественной войны 1812 г.

Стихотворение писалось во второй половине октября и переписывалось набело непосредственно перед годовщиной, скорее всего в самый день 19 октября.⁶⁷ Этим же днем, 19 октября, помечено и неотправленное письмо Пушкина к Чаадаеву (XVI, 171—173, черновик — 260—262) — ответ на опубликованное в «Телескопе» (ч. XXXV, № 15) и сразу же изъятые «Философическое письмо» последнего. Один из оттисков «Философического письма», выпущенных в свет 3 октября, был передан Чаадаевым Пушкину. Чаадаев выдвинул тезис «нашей исторической ничтожности», т. е. рассматривал все историческое развитие России как путь в социальному и духовному тупику. Причину этого он видел в религиозной обособленности России, отдаленной правосла-

⁶⁷ Об этом свидетельствует то, что в перебранном тексте стихотворение не продолжено.

вием от европейского католического мира. «Письмо» Чаадаева вызвало огромный резонанс в обществе. Софья Карамзина писала, что оно «занимает все петербургское общество, начиная с литераторов и кончая вельможами и модными дамами», и вызывает «всеобщее удивление и негодование».⁶⁸

Текст письма Чаадаева был известен Пушкину еще в 1831 г., полемика с ним содержится в набросках его статьи 1834 г. «О ничтожестве литературы русской»,⁶⁹ но публикация и разговоры в обществе вновь направили внимание и мысли поэта на давно занимавшие его проблемы взаимоотношений Запада и России, исторической миссии России и специфики русского исторического процесса. Под влиянием этих размышлений складывался и исторический обзор, включенный в «годовщину». Полемизируя с Чаадаевым в письме, Пушкин писал об «особом предназначении» России, чьи пространства «поглотили монгольское нашествие» и чьим «мученичеством» была спасена Европа и «христианская цивилизация». Вторично Россия стала спасительницей Европы в 1812 г. В письме эта мысль высказана кратко, в перечне наиболее значительных страниц русской истории («А Александр, который привел вас в Париж»); в стихотворении она развита также в духе «особого предназначения» России. Александр — герой, «наш Агамемнон», «велик и прекрасен», он «народов друг, спаситель их свободы», а Русь «взнесенна им над миром изумленным». Так второй раз в лицейских «годовщинах» появляется образ Александра I, царя, которому Пушкин, по его собственному выражению, «подсвистывал до самого гроба» (XIII, 258).

Сравнение Александра с Агамемноном воспроизводит мальчишеское восторженное отношение к победоносной армии и ее вождю. В рассказ об Отечественной войне включаются реминисценции из оды «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году».⁷⁰ Однако то, что в 1815 г. было эмоциональным

⁶⁸ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов, стр. 128.

⁶⁹ О полемике Пушкина с Чаадаевым см. комментарий В. Э. Вапура в кн.: Пушкин. Письма последних лет. Л., «Наука», 1969, стр. 328—331.

⁷⁰ Ср. отрывки из этих двух стихотворений:

19 октября 1836 г.

Александр у

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями

Обнялся с братом брат; и милым
дали руку

И в сень наук с досадой
возвращались,

Младые ратники на грустную
разлуку;

Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена

Сразились. Воспылал свободы
ярый бой <...>

сразились <...>

Сыны Бородина, о Кульские герои!
Я видел, как на брань летели ваши
строи.

Душой восторженной за братьями
спешил.

Почто ж на бранный дол я крови
не пролил? <...>

восприятием событий, в 1836 г. стало отстоявшимся мировоззрением. Значение Отечественной войны для судеб Европы и ее политической жизни стало историческим фактом. Строфы о 1812 г. и Александре I не только воспроизводят патриотические чувства лицеистов, но выражают одновременно ретроспективный взгляд поэта на Отечественную войну.

В «годовщине» 1825 г. сосланный Пушкин прощал царю «неправое гоненье» и предлагал за него тост, потому что «он взял Париж, он основал Лицей»; историческая оценка деятельности Александра сочеталась там с политической («неправое гоненье») и с трезвым взглядом на царя, как на человека, подверженного людским слабостям и пристрастиям («он раб молвы, сомнений и страстей»). Между этим тостом и словами «наш Агамемнон», «народов друг, спаситель их свободы» была написана десятая глава «Онегина», сожженная поэтом в день лицейской годовщины 19 октября 1830 г. Там Александр также дан в двух ипостасях — человеческой («Властитель слабый и лукавый, Плешивый щеголь») и государственной («Нечаянно пригретый славой»). Его роль в победе над Наполеоном пассивна («кто тут нам помог? Остервенение народа, Барклай, зима иль русский бог?»), а в создании европейской политики реакционна («Я всех уйму с моим народом, — Наш царь в конгрессе говорил»). Таким образом, в зашифрованных строфах «Онегина» Александр предстает как душитель свободы народов, а в обзоре 1836 г. он ее «спаситель», «друг народов». И расхождение в оценках его деятельности объясняется не тем, что в одном случае речь идет о Священном союзе, а в другом — о победе над Наполеоном. Для Пушкина 1836 г. и свержение Наполеона, и Священный союз были частями единого исторического процесса, «хода вещей», который привел западные страны к современному политическому и общественному устройству.

Отрывки сожженной десятой главы отделяет от «годовщины» 1836 г. июльская революция во Франции, в результате которой появился «король с зонтиком», а Франция вступила на путь европейской демократии. Пушкин внимательно следил за политической

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам
 примчался.
Какой восторг тогда пред ним
 раздался!
Как был велик, как был прекрасен
 он,
Народов друг, спаситель их
 свободы!

О, сколь величествен, бессмертный,
 ты явился,
Когда на сильного с сынами
 устремился;
И, челы приподняв из мрачности
 гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепью с восторгом
 потрясали
И с робкой радостью друг друга
 вопросали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели
 грозный пал? <...>

и социальной обстановкой в Европе, и буржуазная демократия не представлялась ему идеальным государственным устройством. Известны его высказывания о положении английских рабочих, о парламентаризме, об американской демократии (см. «Путешествие из Москвы в Петербург» — XI, 231—233, 257; «Джон Теннер» — XII, 104). Он был убежден, что конституционная система, декларировавшая свободу и равноправие всех граждан, не дала народам ни гражданских прав, ни материального благополучия. В полемике с Чаадаевым это убеждение приводит к определению европейского пути развития как социального и духовного кризиса и к попытке выявить поступательное движение русской истории. Размышления об особенностях русского исторического процесса, отличного от развития стран Западной Европы, связаны с поисками возможных путей социального преобразования России. Убеждение в неприемлемости для России «отвратительной власти демократии» (XII, 66) подкреплялось конкретными наблюдениями над ростками буржуазного начала в русской общественной и литературной жизни, в частности борьбой самого Пушкина с «торговым» направлением в журналистике.

С неприятием буржуазного торгашеского мира связана оценка деятельности Николая I и в «19 октября 1836 года», и в письме к Чаадаеву. В стихотворении поэт пишет: «И новый царь, суровый и могучий, На рубеже Европы бодро стал» (варианты: «И новый царь, Европы страж могучий, Уж десять лет», «И новый царь, России страж могучий <пропуск> над миром бодро стал»). Смысл второго стиха раскрыт в черновике письма: «Вот уже 140 лет, как *Табль о рангах* сметает дворянство; и нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке (читали <ли вы> Токвиля? [он напугал меня] я еще весь разгорячен его книгой и совсем напуган ею)» (XVI, 260).

Следующие (они же последние) полтора стиха связывают иногда с декабрьским восстанием,⁷¹ однако анализ текста показывает, что мысль Пушкина шла в другом направлении: темой исторических строф была не внутренняя история России, а история ее взаимоотношений с Европой. Относящиеся к Николаю слова «на рубеже Европы бодро стал» (в беловом автографе первоначально «твердо стал») отбрасывают восстание за черту данного обзора. В день 14 декабря трон, на который собирался вступить Николай, колебался. И в тот же день 14 декабря, подавив восстание, он утвердился, «стал» и в России, и «на рубеже Европы».

⁷¹ См.: Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов, стр. 38; ср.: Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина, стр. 305.

Тема восстания и участи декабристов отражена, может быть, только в эпитете к «царю»: «суровый».⁷²

«Новы тучи» над землей — это то, что было после воцарения Николая, когда Россия вновь вступила в политический конфликт с Европой, т. е. польское восстание и связанные с ним опасения интервенции. Тема «новых туч» появилась в стихотворении также не сразу. В черновых вариантах после первой строки о Николае («И новый царь, Европы страж могучий») шло «уж десять лет», т. е. весь период царствования Николая определялся суммарно, как «плотина» «против наводнения демократией». Слова «уж десять лет» свидетельствуют, что, высказав главное — размышления, вызванные письмом Чаадаева, поэт хотел перейти к современности. В письме мысль поэта шла именно так — от истории к «теперешнему положению России». В окончательном тексте поэт собирался дополнить исторический очерк событиями, имевшими большое значение для становления общественно-политического сознания как самого Пушкина, так и его сверстников. Тема современности должна была последовать за образом урагана, разметавшего грозу над миром. В письме к Чаадаеву оптимистические размышления о прошлом сочетались с критикой современного состояния русского общества: «Действительно нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко» (XVI, 393). Общественная атмосфера, о которой пишет Пушкин и которую он постоянно ощущает как гражданин и поэт, вызвала тягостные раздумья, мрачными нотами заполняющие лирические признания последних лет. Такой взгляд на современность не сочетался с жизнеутверждающим тоном всего стихотворения. Потеряла свое значение и тема лицейского союза. Поэтому, пообещав Яковлеву «дokoнчить и приобщить к протоколу» свое стихотворение, поэт так и не выполнил обещания.

7

Разные по форме и тональности, пять стихотворений Пушкина написаны по одному и тому же поводу и посвящены одной теме. Идеино-тематическая целенаправленность, общность темы и, наконец, общность художественной формы обрамляющих стихов позволяют считать лицейские «годовщины» Пушкина циклом.

⁷² Возможно, с темой восстания декабристов связаны еще такие недоработанные варианты стиха 5-го последней строфы, по-видимому также относящиеся к воцарению Николая: *Начато: а. И юнкоша* <?>. *б. И тот кого. в. И тот* [в <?>] к? <?>.

Тема лицейского союза, т. е. дружбы и товарищества, возникших в эпоху подъема общественного движения и основанных на родстве убеждений, дана в разных аспектах. Доминирующий лирический мотив каждого из стихотворений связан с определенной ситуацией, с конкретным бытовым материалом, биографической обстановкой и эмоциональной настроенностью поэта. Одни и те же мотивы и образы в каждом стихотворении пропущены через призму настоящего, сегодняшнего его настроения и мироощущения.

Образы автора и адресатов с их политическими интересами, литературными и дружескими отношениями одни и те же, но они даны в движении, в развитии: с годами они взрослеют, становятся мудрее, приобретают жизненный опыт, наконец умирают. Факты из жизни поэта и его лицейских друзей, их имена, занятия, обстоятельства жизни и смерти, воспоминания, душевный и исторический опыт осмыслиются в широком общественном плане, становятся признаками судьбы поколения, жившего в конкретную историческую эпоху 10—30-х годов XIX в. В своем идейно-тематическом единстве «годовщины» рисуют судьбу лицейского братства на протяжении четверти века, прошедшего через революции и войны, через время преддекабрьских надежд и их крушения. Поэт через свою судьбу и судьбы своих друзей постигает судьбы поколения и законы бытия.

Идея развития как великого закона жизни дается не в виде умозрительных абстракций, но входит в самую плоть стихотворений. Поэт и его друзья одновременно и свидетели, и участники жизни исторической, причастны к «вращению» мира и движутся вместе с ним. Временную перспективу создает тема воспоминаний — бытовых (лицейских, биографических) и исторических. История входит в цикл не как фон, а как основа мировоззрения. Поэтому такое большое значение имеет тема Отечественной войны, определившей во многом развитие самосознания пушкинского поколения.

Сквозные образы, темы и лирические формулы создают осязаемое представление о меняющемся мироощущении человека. Так, например, в первой «годовщине» мысль о редющем круге и последнем лицеисте не снимает общей мажорной тональности стихотворения. Время преддекабрьских надежд рождает «предсказанье» о скором освобождении поэта. Грустные ноты, вызванные ощущением ссылки, звучат приглушенно. Восстание 14 декабря, потрясшее общественное сознание, пошатнуло привычные идеологические и дружеские связи. Ощущение разобщенности, коснувшейся и лицейского союза, выражено в «19 октября 1827 года» отказом от традиционной формы «годовщин». Здесь нет застолья, тостов, воспоминаний, снят и образ дружеского круга. Все стихотворение выражает стремление поэта оказать духовную поддержку друзьям в трудное время. Мотив «редю-

щего круга» снова появляется в «годовщине» 1831 г. Теперь он выдвинут на первый план и получает мрачную, траурную окраску. Повторена и тема предсказания, но здесь это — предчувствие своей смерти. Время надежд кончилось 14 декабря 1825 г., и смерть Дельвига, как реальная основа мрачного предчувствия, знаменует судьбу мыслящей личности в условиях общественного застоя, т. е. имеет всеобщее значение. И наконец та же тема редюющего застоя в последней «годовщине» решается в плане философском, как проявление закона движения, изменения мира, смыкаясь с другими важнейшими произведениями медитативной лирики Пушкина последних лет.

Биографические реалии, Лицей, его атмосфера и принципы лицейского воспитания входят в художественную структуру «годовщин» в качестве смыслового ключа, источника ассоциаций, необходимых для понимания текста. Тема Лицея, лицейской среды подкрепляется образами и лексическими формулами лицейской лирики. Это слова из лицейского обихода (например, «келья»), и слова — признаки определенного мировоззрения («святое братство», «надежда», «слава»), и цитаты из «Прощальной песни», и лексические повторы из «Оды на возвращение государя-императора из Пармжа». В пушкинской системе абсолютно точного слова эти повторения не могут быть случайным совпадением.

Жанр «годовщин» связан с традицией послания, которое, несмотря на зависимость от западноевропейской традиции, было вместе с тем «явлением национальным, обусловленным обстоятельствами русской культурной жизни», «было жанром разнообразным по своей стиховой форме <...> и емким по своему тематическому охвату».⁷³ Дружеское послание, особенно распространенное в литературе 1810—1820-х годов, пользовалось популярностью и среди лицейских поэтов. Послание этого времени, начисто лишённое дидактичности, наполненное домашней семантикой и как бы имитирующее беседу с другом, как нельзя лучше характеризует годы брожения общественной мысли, отмеченные не только созданием тайных обществ, но и множеством литературных и дружеских объединений и кружков, активного обмена мыслями и поисками единомышленников. В Лицее получило распространение групповое послание, т. е. послание не одному лицу, другу или оппоненту, а группе лиц, друзьям. Такой тип послания характерен и для раннего творчества Пушкина. Его первые групповые послания адресованы лицейским друзьям, потом петербургским приятелям, членам «Зеленой лампы». В 1830-е годы дружеское послание — жанр уже уходящий, и обращение к нему Пушкина — это прежде всего дань лицейской традиции. Послание к друзьям в день 19 октября приобретает новое качество — ста-

⁷³ Л. Я. Гинзбург. О лирике, стр. 210.

новится знаком определенной историко-культурной и социальной принадлежности. Жанр создает контекст лицейской среды и символизирует продолжение традиций «святого братства» лицейских.

Послания, которыми обменивались лицейские поэты, как правило, посвящены теме жизненного призвания. После окончания Лицея тема жизненного призвания сочетается с верностью лицейскому союзу, который трактуется как определенное мировоззрение, присяга на верность идеалам, воспитанным в лицейские годы. Пушкинские «годовщины» включают традиционные лицейские темы и одновременно выходят за их круг, объединяя их с интимными признаниями и политическими и философскими раздумьями. Широта тематического охвата и разнообразие поэтической интонации «годовщин» расширяют традиционные жанровые рамки послания, в него включаются элементы элегии, медитации, оды.⁷⁴

Факты частной жизни и исторические события, судьбы людей и мира, философские размышления о времени, соотносимость с современностью и понимание современности как исторической формы осознания текущей жизни — все это придает «годовщинам» особую глубину.

⁷⁴ Подробно о жанровых особенностях лицейских «годовщин» см. в кн.: Н. А. Степанов. Лирика Пушкина. М., «Сов. писатель», 1959; стр. 150—153.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУШКИНА
1820-1830-х
ГОДОВ**

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД**

1974